

О ПОНЯТИИ «ФУНКЦИЯ» В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

© Наталья Зубенко

ON THE CONCEPT OF “FUNCTION” IN FUNCTIONAL LINGUISTICS

Natalya Zubenko

The article considers the concept of “function” in linguistics as the essence of language which determines its nature. The purpose of the study is to define the main concept of language “function” in linguistics and to identify the invariant function of language in functional linguistics. Language, acting as an instrument of exteriorization both of thinking, knowledge and of consciousness, performs many functions. Thus, monofunctionalists believe that the fundamental function of language is its communicative function, which is a derivative for other functions, subfunctions and epifunctions. The interest of polyfunctionalists is primarily focused on determining the number of inherent functions of language and their hierarchical relationship and interdependence. Today, the question of the concept “function” semantic content in linguistics remains open, since there is no exact definition of the term primarily due to the “multidimensionality” of language itself; therefore, disputes arise in the definition of this concept both between linguistic schools and within the framework of one linguistic circle. On the basis of the conducted research, we give the definition of the concept of language “function” as the essence, the meaning (purpose) of language existence. The function, having predetermined the nature of language, forms both the structure of language and its elements, as well as the connections between these elements. In the process of language “functioning”, linguistic units are selected, which are capable of realizing a certain communicative task (meaning) that the subject of speech wants to achieve in the process of a communicative act. In addition, the article concludes that in the modern linguistic paradigm, which is based on the concept of “function”, the regulatory function acts as an invariant function of language. At the initial stages of the human development, the trigger that provoked the emergence of an iconic instrument for regulation of social interaction was the collision of the “due” and the “given”. In the course of evolution, “regulation” expands its scope from influencing the behavior to influencing the consciousness of a person and society by expanding their “ordinary” picture of the world.

Keywords: function, monofunctionalism, polyfunctionalism, regulatory function of language, reality

В статье рассматривается понятие «функция» в лингвистике как сущность языка, определяющая его природу. Целью исследования является определение магистрального понятия «функция» языка в лингвистике и выявление инвариантной функции языка в функциональной лингвистике. Язык, выступая орудием экстерииоризации не только мышления, знания, но и сознания, выполняет множество функций. Так, монофункционалисты считают, что основополагающей функцией языка выступает коммуникативная функция, являющаяся производной для других функций, субфункций и эпифункций. Интерес же полифункционалистов сосредоточен, в первую очередь, на определении количества присущих языку функций и их иерархической взаимосвязи и взаимообусловленности. Сегодня остается открытым вопрос о семантическом наполнении понятия «функция» в лингвистике, так как «размытость» определения термина обусловлена, в первую очередь, «многомерностью» самого языка, поэтому споры при определении данного понятия возникают как между лингвистическими школами, так и в рамках одного лингвистического кружка. На основе проведенного исследования дается определение понятия «функция» языка как сущности, смысла (назначения) существования языка (реалии). Функция, предопределив природу языка, формирует как структуру языка, так и его элементы, а также связи между этими элементами. В процессе «функционирования» языка происходит отбор языковых единиц, способных к реализации определенной коммуникативной задачи (смысла), которой хочет достичь в процессе коммуникативного акта субъект речи. Кроме того, делается вывод о том, что в современной лингвистической парадигме, в основе которой лежит понятие «функция», в качестве инвариантной функции языка выступает регулятивная. На начальных этапах человеческого развития триггером, спровоцировавшим возникновение знакового орудия регуляции по социальному взаимодействию, стало столкновение «должного» и «данного». В ходе эволюции «регулирование» расширяет свои рамки от воздейст-

вия на поведение до воздействия на сознание человека, социума путем расширения их «обыденной» картины мира.

Ключевые слова: функция, монофункционализм, полифункционализм, регулятивная функция языка, реалья

Для цитирования: Зубенко Н. О понятии «функция» в функциональной лингвистике // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 3 (77). С. 26–39. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-26-39

Язык по своей природе функционален: возникновение его обусловлено необходимостью экстерииоризации мышления как субъективной формы отражения мира Homo sapiens. Это позволяет говорить о том, что язык – средство общения, «средство взаимного сообщения мысли» [1, с. 8], отражающее восприятие действительности. При таком подходе основополагающей функцией языка является коммуникативная функция.

Наряду с мышлением язык является орудием познания, которое в первую очередь связано с сознанием, отражающим не только действительность, но и выражающим отношение человека к этой действительности в виде чувств и состояний.

Сознание как феномен включает в себя чувственно-рациональный и эмоционально-ценностный уровни: первый уровень характеризуется познавательными способностями, накапливающими «знание-информацию»; второй уровень представляет собой, с одной стороны, палитру человеческих чувств и эмоций, с другой, – «ценностный компонент» – духовно-нравственный фундамент личности: ее стремления, интересы, цели, мотивы и т. д., и, конечно, способности создавать все эти элементы [2, с. 526]. При этом не следует отождествлять понятия «сознание» и «мышление», так как мышление является, наряду со знанием, главной составной частью функционирования сознания, позволяющего человеку выявлять закономерности объективного мира, формировать отношение к явлениям действительности, взаимодействовать с социальной средой, определять ценностные ориентиры [3].

Основываясь на идеях И. А. Бодуэна де Куртене, что сущностное свойство языка – быть функцией – выступает в качестве переменной, обеспечивающей взаимодействие между сознанием человека и его коммуникативной деятельностью, О. В. Лещак считает, что недопустимо смешивание функции сознания и функции языка, так как сознание, по мнению автора, выполняет смыслообразующую функцию, а язык – семиотическую (эксплицирующую и коммуникативную) функцию [4].

Выступая орудием экстерииоризации не только мышления, знания, но и сознания, язык наряду с коммуникативной (передача информации) выполняет множество других функций. По мнению Л. Г. Зубковой, сущность языка определяет его функции, следовательно, функции, приписываемые языку, напрямую зависят от подхода к пониманию языка и его сущности [5]. Поэтому первостепенен вопрос не столько о «наделении» языка теми или иными функциями, сколько об определении самого понятия «функция», которое зависит от подхода к пониманию сущности самого языка.

На современном этапе развития лингвистических исследований вопрос о функциях языка остается открытым: одни ученые придерживаются позиции монофункциональности языка, при которой основополагающей, фундаментальной функцией является коммуникативная, но при этом и не отрицается наличие производных от нее функций (Д. Г. Богусевич, Ю. Д. Дешериев, Р. В. Пазухин и др.). Среди полифункционалистов мнение о ведущей функции языка расходятся: одни отдают «пальму первенства» коммуникативной функции (В. А. Аврорин, О. В. Лещак, М. Мамудян, А. Мартине, Д. Н. Шмелев, Р. О. Якобсон), другие считают, что не только появление, но и развитие языка связано в первую очередь с регулятивной функцией языка (В. И. Абаев, Ю. В. Дорофеев, В. И. Заика, А. А. Леонтьев, А. Н. Рудяков, Н. А. Рудяков).

Позиция полифункциональности языка наиболее распространена в лингвистических кругах. При этом единогласие между исследователями отсутствует: причина, на наш взгляд, кроется в том, что язык проявляется при анализе в различных ипостасях: язык и общество, язык и мышление, язык и сознание, язык и речь (в том числе и речевая деятельность), язык и система. Исходя из теории Вильгельма фон Гумбольдта [6] о языке как посреднике между миром объективной действительности и субъективным (внутренним) миром человека, можно утверждать, что закономерный процесс эволюции обуславливает изменение в процессе познавательной деятельности не только представления о внешнем мире, но и о самом человеке, следовательно, представ-

ление о языке, его функциях и их иерархии также динамично.

При полифункциональности языка перед лингвистами в первую очередь стоит вопрос: какое же количество функций языка считать оптимальным, отвечающим реальной языковой картине, а уж затем рассматривать вопрос об их иерархичности (Д. Г. Богушевич, В. У. Дресслер, А. В. Карабыков, М. Мамудян), об основных и добавочных функциях (Р. О. Якобсон), о предметных и объектных функциях (В. В. Иваницкий), о первичных и вторичных функциях (Б. А. Абрамов, В. И. Заика, О. В. Лещак, Н. Ю. Шведова, М. А. Шелякин), о разграничении функций языка и функций речи (В. А. Аврорин, В. В. Иваницкий, А. А. Леонтьев, Д. Н. Шмелев). Зачастую количество функций, рассматриваемое лингвистами, представляется либо как ограниченный набор (К. Бюлер, А. Мартине, М. А. К. Хэллiday, Р. О. Якобсон) – не более пяти-шести, либо как открытый, ничем неограниченный.

Так, И. Г. Ольшанский отмечает, что диапазон языковых функций достаточно широк и «колеблется» от 2 до 25 функций [7]. А. К. Киклевич выделяет 12 функций языка на основе функциональной релевантности, реализующейся в экспликативном и процедурном аспектах [8].

В. З. Демьянков, анализируя функционализм конца XX в. зарубежной лингвистике, приводит в алфавитном порядке и дает характеристику 73 функциям языка, которые, по мнению автора, наиболее частотны в упоминании в научной литературе, отмечая при этом, что приведенный список не является исчерпывающим и не представляет собой иерархичной организации [9]. Наряду с общеизвестными функциями, в списке отмечены такие, как дейктическая, идеационная, индексальная, латентная, перифрастико-экспликативная, перлокутивная и др. Автор, предлагая «крупные группировки функций» при их делении на классы – от двухчастного до четырнадцатичастного деления, отмечает прямую зависимость в размытости основания классификации от количества функций: чем большее количество функций, тем туманнее представляется основание для их деления или составления иерархии, поэтому наиболее оптимальной цифрой в классификации функций автор считает «число три» [Там же, с. 103].

Монофункциональность языка

Существует множество точек зрения на функции языка. Некоторые ученые придерживаются позиции полифункциональности языка, тогда как другие считают, что единой, «интегрированной» функцией языка является коммуника-

тивная (Л. Блумфильд, Д. Г. Богушевич, Ю. Д. Дешериев, В. В. Иваницкий, Г. В. Колшанский, Р. В. Пазухин и др.). Следует отметить, что монофункциональность понимается учеными не в чистом виде: коммуникативная функция языка является не единственной, а основополагающей, из которой вытекают другие функции языка, которые, в свою очередь, тесно переплетаются, взаимодополняются, обуславливаются друг другом, как некое поле: ядром такого поля выступает коммуникативная функция, следовательно, чем периферийнее функции, тем больше ими утрачиваются самостоятельность и выраженность.

Так, Ю. Д. Дешериев считает, что коммуникативная функция, будучи главной функцией языка, детерминирует не только другие функции языка, но и саму его природу. Наряду с коммуникативной функцией языка автором выделяются общественная, экспрессивная, которая теснейшим образом связана с эстетической функцией языка, и гносеологическая функции. При этом автор считает, что методологическая характеристика любой из вышеперечисленных функций представляет собой не что иное, как характеристику конкретного проявления коммуникативной функции языка [10, с. 221].

Г. В. Колшанский отмечает, что при подходе к языку как средству общения обоснованным является рассмотрение языка в его единственной, коммуникативной, функции, так как она, представляя собой сложное интегрированное явление всех свойств языка, обслуживает жизнь человеческого общества, в независимости от этапа его развития [11, с. 3].

Р. В. Пазухин, учитывая многомерность такого образования, как язык, отмечает иерархичность функций: конститутивной функцией языка (Φ_1) автор называет такую функцию, которая «характеризует его как целое» [12, с. 43]. С этой задачей, по мнению автора, справляется коммуникативная функция; но жизнедеятельность конститутивной функции возможна лишь при сочетании субфункций, «функций составных частей» (Φ_2, Φ_3, Φ_4) [Там же]. Выделяя конститутивный уровень, субуровень и эпиуровень (употребление языка в конкретных ситуациях), Р. В. Пазухин считает, что при выделении исследователями двух и более функций языка происходит подмена понятий, связанная с отношением к языку свойств, относящихся лишь к одному из его элементов, – поэтому сопоставление конститутивной (коммуникативной) функции и эпифункций, по мнению автора, неправомерно. Так, например, к субфункциям Р. В. Пазухин относит аккумулятивную функцию, а к эпифункциям – поэтическую, эстетическую, фатическую, метаязыковую.

Из этого следует, что монофункционализм, по мнению автора, – это не провозглашение одной-единственной функции, а признание того, что сущность и назначения языка как средства общения определяется только коммуникативной функцией [12, с. 44].

Таким образом, признание коммуникативной функции монофункционалистами как фундаментального назначения языка не предполагает отсутствие других функций у языка; ими признается существование как субфункций, так и эпифункций, обеспечивающих возможность реализации языка как средства общения, но лишь при условии рассмотрения этих функций языка на разных уровнях и системном перечислении.

В. В. Иваницкий, как и Р. В. Пазухин, не отрицает наличие производных функций у языка, так называемых субфункций и эпифункций, представляемых автором как некая иерархия: если основанием построения иерархии выступает *сущность языка*, то в этом случае знаковая (семиологическая или семиотическая) функция, которая «представляет лингвистический знак» [13, с. 106], выступит в качестве онтологической, предполагающей наличие как субфункций (номинативной, предикативной, метаязыковой, когнитивной и т. д.), так и эпифункций. Стоит отметить, что аналогичная последовательность – «функция», «функтив», «член функции» – встречается уже в работе Л. Ельмслева [14].

Если же в основу построения иерархии положена *природа языка*, которая воплощается в речи и языковой деятельности, то коммуникативная функция будет выступать в качестве ядра, а разные ее аспекты – структурными элементами иерархичности системы функций: коммуникативная функция → функции, составляющие коммуникативный акт → прочие функции [13].

Вслед за Р. В. Пазухиным, В. В. Иваницкий, развивает свою позицию с небольшим отклонением: считая, что коммуникативная функция реализуется только при наличии минимум двух участников коммуникативного акта, отказывает внутренней речи в функции коммуникации, так как размышление «внутри себя» предполагает только одного участника, поэтому эта функция определяется автором как «функция самоопределения и автокоррекции» [13, с. 107]. За коммуникативной функцией следуют «функции, составляющие коммуникативный акт», которые определяются В. В. Иваницким как функции речи (согласно классификации Р. В. Пазухина – это субфункции коммуникативной функции). К ним автор относит следующие функции речи (здесь стоит отметить, что сами субфункции не представлены автором в иерархичном порядке, так

как они теснейшим образом переплетаются как между собой, так и с коммуникативной функцией в целом): эмотивная, апеллятивная, волюнтаривная, дейктическая, эротематическая, репрезентативная; функции, проявляющиеся в языковой деятельности: фатическая, поэтическая (эстетическая), аксиологическая, герменевтическая, эвристическая, кумулятивная, идеологическая, религиозная, магическая (суггестивная), социальная – все эти функции без исключения могут члениваться, в том числе и на эпифункции [13].

Таким образом, монофункционализма в чистом виде не существует, но, на наш взгляд, он более структурирован, системен: ядром этой системы выступает коммуникативная функция, одновременно являясь и «производной», и «производящей» функцией языка. Монофункционализм как иерархически системная модель, в основании которой лежит понимание невозможности существования способов естественного употребления языка вне коммуникации, приводит к выводу, что абсолютной функцией по праву является коммуникативная, а вариативность воплощения данной функции определяется целевым многообразием использования языка в жизни [15, с. 83].

Д. Г. Богушевич, анализируя позиции полифункционалистов и монофункционалистов, отмечает системный подход, который основывается на единстве языка, как сильные позиции монофункционалистов. Системный подход предполагает выявление и установление связей между «наиболее существенными общими чертами» [16, с. 37]. При таком подходе оправдано положение монофункционалистов: инвариантной функцией языка является коммуникативная, все остальные функции являются производными, которые реализуются в тех или иных условиях общения. При этом Д. Г. Богушевич соглашается с тем, что большинство функций языка исследователи сводят к коммуникативной функции, но абсолютно отрицает «сведение» экспрессивной и эмотивной функций, так как в основе этих двух функций, по мнению автора, отсутствует общение как неотъемлемый элемент коммуникации [Там же, с. 38]. Так, например К. Фосслером, которого также можно отнести к монофункционалистам, выделяется в качестве основной функции – экспрессивная функция языка, основанная на антропоцентрическом взгляде лингвиста [17]. А вот игнорирование системного подхода полифункционалистами приводит исследователей к расщеплению языка при стремлении обнаружить и перечислить условия и случаи употребления языка.

Определение понятия «функция» в лингвистике

На сегодняшний день остается открытым вопрос не только о количестве функций, их соотношенности, обусловленности и т. д., но и, в первую очередь, вопрос об определении самого термина «функция» в лингвистике в целом, и в ее функциональном аспекте в том числе. При попытке найти четкое определение данному понятию в научной литературе было обнаружено, что своего рода абстрактность понятия обусловлена, в первую очередь, тем, что каждый ученый или лингвистическая школа, в том числе и функциональная, кладет в основу определения различные основания: у одних функция – это свойство реальности (А. Н. Рудяков), у других – цель (И. Г. Ольшанский), роль, назначение (В. И. Заика), целое назначение элемента (В. Г. Гак); с другой стороны, лингвисты больше сосредоточены на вопросе о количестве функций языка, поэтому вопрос *что есть функция* или *что есть функция языка* остается в тени [18].

Термин «функция» не имеет ни четкого определения, ни единого мнения при подходе к его толкованию среди лингвистов. Незначительный интерес к интерпретации объясняется, на наш взгляд, тем, что термин «функция» является межнаучным заимствованием, в первую очередь, из философии и математики, с одной стороны, и «многомерностью» самого языка – с другой: онтология, природа, бытование, обусловленные различными подходами при изучении. Кроме того, применительно к лингвистике ни одна функция языка не существует автономно – сосуществование проявляется в переплетении, перекрещивании функций и даже перетекании одной функции в другую в рамках одного речевого акта.

Так, В. У. Дресслер, отмечая многозначность понятия «функция» не только в разных науках, но и в пределах одной науки – лингвистики, подчеркивает, что «одно-однозначность» термина «функция» отсутствует в пределах одной функциональной школы, а что говорить о дискуссиях между различными лингвистическими школами [19]. Кроме того, термин «функция» применим лингвистами как языку, так и к речи, к языковым единицам и в том числе высказываниям [8, с. 271].

Г. И. Ольшанский, считая термин «функция» расплывчатым и неопределенным, акцентирует внимание на том, что именно функция является фундаментальным понятием, определяющим «онтологию и телеологию языка», характеризующим не только язык в целом, но и его элементы системы и структуры [7, с. 269].

«Расплывчатость» понятия «функция» в науке в целом и в пределах лингвистических исследований объясняется в работах Л. Г. Ведениной: автор отмечает, что в традиционной грамматике «функция» – это роль лингвистических единиц в высказывании, в глоссематике – отношения между двумя лингвистическими единицами, в генеративной грамматике – грамматические отношения между структурными элементами [20, с. 5].

Важно отметить на данном этапе рассуждений, что в исследовании нами разделяется позиция ученых, считающих разграничение понятий «функции языка» и «функции речи» нецелесообразным. Так, например, Д. Н. Шмелев, считает, что функция (-ии) языка является его имманентной сущностью, а практическое применение языка обуславливает лишь, с одной стороны, отбор языковых средств, и различный характер коммуникации при ее реализации – с другой [21].

По мнению А. В. Карабыкова, целью применения языка является речь, следовательно, противопоставление функций языка функциям речи бессмысленно, так как «каждая функция языка есть функция речи и наоборот» [15, с. 79]. Аналогичной позиции придерживается и Р. В. Пазухин, утверждая, что противоположение «язык-речь» никак не связано с вопросом о коммуникативной функции языка и его эпифункциях [12, с. 46].

В. И. Заика, соглашаясь с тем, что именно речь является определяющим фактором того, что происходит с языком, считает, что термин «функции речи» применим лишь тогда, когда необходимо определить «характер отношения конкретного высказывания к элементам коммуникативной ситуации» [18, с. 419] (разрядка наша – Н. З.) При этом разнообразие целей деятельности субъекта определяет разнообразие функций речи, совокупность которых и будет реализовывать основополагающую функцию языка.

О. В. Лещак, рассматривая языковую систему и речевую деятельность в функциональном отношении, приоритет отдает языковой системе в том, что языковые знания существуют «до и вне речевой деятельности», кроме того, речевые знаки воспроизводятся со строгим учетом правил и законов языка. Но при этом не стоит забывать, что источником, пополняющим языковую систему новыми элементами, является речь; в генетическом отношении (и онтогенетическом, и филогенетическом) автор считает, что понятия «язык», «речь» и «речевая деятельность» абсолютно равноценны [4].

Г. В. Колшанский, отмечая непропорциональную дихотомию «язык и речь», определяет понятие «функции речи» как дуплет понятия «функции языка» [11].

При этом стоит отметить, что ряд ученых считают подобное разграничение основополагающим при определении количества функций языка: например, Ф. де Соссюр, В. А. Аврорин, В. В. Иваницкий, А. К. Киклевич, А. А. Леонтьев, М. А. Шелякин и др.

А. А. Леонтьев в одной из ранних своих работ выделяет три основные функции языка: 1) закрепление и передача достижений человеческого мышления (то есть передача знаний), 2) средство коммуникации, 3) средство выражения отношения говорящего к содержанию речи, а также выражение эмоции и воли. Конституирующей функцией на данном этапе лингвистического взгляда автора является функция языка как форма существования мышления человека [22, с. 124]. В данной работе автор не только не разграничивает функции языка и речи, но и предлагает достаточно схематичное отражение функций языка, упуская из внимания такие функции языка, как, например, эстетическая, экспрессивная.

В более поздних работах А. А. Леонтьев [23], [24] расширяет круг функций языка до шести, отдавая приоритетность коммуникативной функции, а также выделяет, наряду с функциями языка, «факультативные» функции, которые автор приписывает речи, – эмотивную, поэтическую (эстетическая), магическую, фатическую, функцию «марки», или номинативную, диакритическую. К функциям же языка А. А. Леонтьевым отнесены: коммуникативная, функция языка как орудия интеллектуальной деятельности человека, функция овладения общественно-историческим опытом человечества (при индивидуальном аспекте), быть формой существования общественного опыта, национально-культурная, орудие познания (при социальном аспекте) [24, с. 243–244]. О том, какое понимание А. А. Леонтьев вкладывает в коммуникативную функцию языка, будет рассмотрено позже.

Вслед за А. А. Леонтьевым, В. А. Аврорин не только разграничивает понятия «функции языка» и «функции речи», но и выделяет «функции языковых единиц», считая непропорциональным рассмотрение функции языка как целостной системы и функций отдельных элементов языковой структуры в одном плане. Язык, по мнению В. А. Аврорина, не выполняет лингвистическую функцию, так как входит в систему социальных явлений, следовательно, его функции только социальные, общественные [25]. К социальной функции языка автор относит, в том числе, и комму-

никативную функцию, в то время как, например, Ю. Д. Дешериев, противопоставляет социальной функции языка коммуникативную [10].

При этом В. А. Аврорин считает, что функции «придают языку движение, развитие», поэтому язык не может существовать вне функций; а речь, являясь внешним проявлением языка, его конкретной реализацией, проявляет в себе функции языка, но наряду с этим имеет свои специфические, характерные только ей функции: номинативную, эмотивно-валютативную, сигнальную, поэтическую, магическую, этническую [25, с. 35]. Кроме того, функции речи в рамках одного речевого акта способны органически сочетаться как между собой, так и с функциями языка, что в конечном итоге значительно затрудняет не только их понимание, но и разграничение. Функции языка (коммуникативная, экспрессивная, конструктивная и аккумулятивная), по мнению автора, действуют постоянно при его практической реализации, а вот функции речи обусловлены целью конкретного высказывания. При этом система функций языка, в концепции В. А. Аврорина, является константой: все звенья этой системы находятся во взаимодействии и взаимообусловленности, поэтому вся система может быть представлена как единая функция, четыре стороны которой неразрывны [Там же, с. 48]. Таким образом, функции речи, по мнению В. А. Аврорина, являются переменной величиной, в то время как функции языка – величиной постоянной, лишь с одной оговоркой, что данная система (язык) может дать «сбой» только при условии, что человечество будет в силах создать более совершенное средство общения – чего в обозримом будущем не предвидится.

Примечательно, что М. А. Шелякин различает не только функции языка и речевые функции, но и речевые функции языковых единиц, являющиеся, по мнению автора, «частными вариантами системных функций при их употреблении в речи» [26, с. 11].

Таким образом, анализ различных подходов к понятию «функция» показывает, что функции языка являются величинами неизменными, а функции речи, функции языковых единиц или же речевые функции языковых единиц – величинами производными.

Появление понятия «функция» в лингвистике и наполнение ее соответствующим лингвистическим смыслом связано с Копенгагенской лингвистической школой: в работе Л. Ельмслева «Принципы всеобщей грамматики» (1928) появляется определение «грамматическая функция», после, уже в работе «Пролегомены к теории языка», впервые опубликованной в 1943 году, Л.

Ельмслев определит функцию как «зависимость, отвечающую условиям анализа»: так, если мыслить категориями класс и сегменты, из которых состоит данный класс, то функция существует как между классом и его сегментами, так и между сегментами [14, с. 57]. В терминологии автора объект, который имеет «функцию» к другому(-им) объекту(-ам), определяется понятием «функтив» – «постоянная» и «переменная». Исходя из этого, автором выделяется три типа функции: взаимозависимость – функция между двумя постоянными, детерминация – функция между постоянной и переменной, констелляция – функция между двумя переменными; при взаимозависимости и детерминации Л. Ельмслев вводит понятие когезии, а для взаимозависимости и констелляции – реципроции [Там же]. Здесь следует отметить, что в теории, предложенной Л. Ельмслевым, исследователи обнаруживают как неточности, так и противоречия: начиная от абстрактного понимания самого определения «функции» до противоречий как в самой терминологии, так и в логическом основании [27].

Обоснованно считать, что понятие «функция» получает свое развитие и широкое применение в работах Пражского лингвистического кружка [28], что станет в последующем фундаментом для развития функционализма как закономерного явления смены лингвистических парадигм: так, В. Скаличка отмечает, что термин «функция» «пражцами» применим к слову и предложению, если речь идет о значении, или к фонеме, если речь идет о структуре смысловых единиц [29, с. 97].

В предисловии к «Тезисам» Н. Кондрашов отмечает, что пражскими лингвистами функция понимается как «целевая установка», «значение того или иного языкового элемента в системе языка», то, «что обусловлено или обуславливается (системой)» [28, с. 7]. При анализе речевой деятельности обнаруживается, что «выражение» является целью говорящего, в связи с этим наиболее оправдан в этом случае функциональный подход к лингвистическому анализу, так как с позиции функционализма *«язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели»* [Там же, с. 17]. Поэтому учет системы, к которой принадлежит языковое явление, детерминирует его понимание.

Учеными отмечается, что наиболее широко и разносторонне дано определение понятию «функция» М. А. Шелякиным: называя функцией свойство целостного объекта, автор отмечает, что «свойство» порождается функционированием объекта [26, с. 8]. Поэтому носителем функции является система или ее элементы; функция,

создаваясь во взаимодействии со средой, обеспечивает связь «носителя» с этой средой. Кроме того, функция, «порождаясь» предназначенностью, имеет свою среду реализации и способность приспосабливаться к этой среде и не может существовать изолированно, поэтому, находясь в системных отношениях с другими функциями, входит в функциональную систему. Рассматривая функцию в лингвистической плоскости, М. А. Шелякин отмечает, что носителями функций в этом случае выступает языковая система в целом или ее языковые элементы, способные выполнять то или иное назначение [Там же, с. 8–9].

Аналогичную позицию в понимании функции можно наблюдать в работах А. Н. Рудякова [30], [31]. При определении понятия «функция» автор считает бессмысленным обращение к философским или лингвистическим словарям, поэтому целесообразным считает взять за основу понятие «реалия», так как функция «структурно обусловлена» [32, с. 30]. В концепции А. Н. Рудякова «реалия» – это «нечто существующее», то, что было очеловечено или находится в процессе очеловечивания Универсума. Сущность реалии, утверждает автор, – ее функция, то есть природа реалии детерминируется функцией. Следовательно, функция, создавая реалию, определяет ее субстанциональное строение, именно поэтому «адекватность» описания мира невозможна без признания за функцией одного из доминирующих системообразующих факторов человеческого мира. По мнению автора, функция первична, реалия – вторична, поэтому именно функцией обусловлено появление (создание) новых реалий. При этом А. Н. Рудяковым разделяются такие понятия, как «функция» и «использование», так использований реалии может быть много: например, ведро (не важно, цинковое, эмалированное, из пластмассы), структура которого определена удобством переноса жидкости, сыпучих веществ, может использоваться как кашпо, как головной убор снеговика или в качестве какого-нибудь арт-объекта и проч. [31, с. 22]. Иными словами, функция – это причина появления в Универсуме реалии, следовательно, язык – это реалия, появление которой обусловлено необходимостью взаимодействовать между собой посредством унифицированной системы.

Интересный вопрос ставит А. Н. Рудяков не только перед собой, но и перед исследователями: раз функция порождает реалию, но функция по своей сути тоже реалия, в таком случае, какую функцию выполняет функция? Или перефразируем этот вопрос, вслед за А. Н. Рудяковым: Какова функция функции? Еще один немаловаж-

ный вопрос: У субстанции вообще есть функция? Если есть, то какая? (Под субстанцией А. Н. Рудяков понимает «некую свободную “валентность”», то есть это то, что еще не «втянуто» в мир человека, но со временем, возможно, будет).

Рассуждая над этим вопросом, А. Н. Рудяков приходит к выводам, что субстанция имеет функцию, которая заключается в «предчувствии» («готовность к функциональному предназначению») функции. Так, например, множество субстанции, чье «предчувствие» было реализовано теми или иными функциями: «очеловечивание» глины и практическое применение ее в быту, использование камня в функции рубки (пратопор); наряду с этим, существует другое множество, чье «предчувствие», пока не реализовано [Там же, с. 24]. Говоря о существующих субстанциях, не следует забывать о субстанциях, создаваемых «искусственно» (создателем этих субстанций является не природа, а человек – это всевозможные сплавы, органические и неорганические соединения и т. д.). Таким образом, назначение функции заключается в том, чтобы ввести и сделать реалию частью очеловеченного мира, культуру: «Функция – причина и цель бытия реалии в нашем мире» [Там же]; в свою очередь, сущность реалии – это «служение» человеку.

В качестве инвариантного определения понятия «функция» В. Г. Гак дает следующее: функция – это целое назначение элемента (объекта), созданное природой или же человеком, и его роль в системе. Кроме того, В. Г. Гак отмечает, что любой элемент (объект) создается с конкретной целью, поэтому функция структурно обусловлена [33, с. 7–8]

А. В. Бондарко, выделяя потенциальный и целевой аспекты в понятии «функция» применительно к языковым единицам, отмечает, что функция языковых единиц интерпретируется как способность языковых единиц выполнять определенные назначения и как реализация цели в процессе функционирования. Кроме того, при функции-потенциале на передний план выступает сторона «для говорящего», при функции-цели – «для слушающего» [34]. Иными словами, языковые единицы – это некий строительный материал, обладающий назначением «для строительства» (ну, как например, строительный и декоративный камень, смена назначений которых приводит к нерациональному их использованию, хотя взаимозаменяемость допустима). Эффективное использование строительного материала – это процесс, обусловленный конечным результатом, зафиксированным в проектной документации (если же речь идет о языке, то зафиксированные в виде образов в сознании).

А. Б. Абрамов, рассуждая о понятии «функции» как «функционировании» языковых единиц, также считает, что предназначенность языковых единиц (функция) заключается в достижении результата посредством их употребления [35, с. 79].

Г. А. Золотова, определяя понятие функции в широком смысле «как значение языковой единицы», задается вопросом о целесообразности наличия дублета понятия «значение» и понятия «функция». При этом она подчеркивает, что до сих пор понятие «функция» является составляющим элементом таких понятий, как «значение», «смысл», «употребление единицы» [36], что объясняет отсутствие самостоятельного определения данному понятию, с одной стороны, и отождествлению, с другой стороны, с общеязыковыми и речевыми функциями. В понимании Г. А. Золотовой понятие функции сопряжено с соотношением части и целого, элемента и системы: функция рассматривается как предназначенность элемента к существованию в системе, к своего рода «служению» этой системе. Кроме того, автором подчеркивается, что понимание функции, связанное лишь с речью или употреблением языка, вне связи с грамматической системой, приводит к одностороннему пониманию, а также утрачивает как научное, так и практическое значение [37, с. 45]. Следовательно, понятие «функции» тесно связано с единицами, являющимися носителями этих функций, с одной стороны, и находящимися в «иерархически-последовательных взаимоотношениях» при организации речевой деятельности – с другой.

Интересна концепция С. Н. Сыроваткина решения не только проблемы определения понятия «функция», но и количества этих функций. При рассмотрении языка как семиотического феномена вопрос о функциях языка следует рассматривать в плоскости функций и свойств языковых знаков, поэтому логичней выделять, по мнению автора, функции знака: семиотическую, прагматическую, синтаксическую, которые в свою очередь представляют систему родовых и видовых функций знака [38, с. 46].

И. Г. Ольшанский, определяя понятие «функция» в широком смысле в лингвистической парадигме как диаду «потенция-реализация», характеризует потенциальный аспект как способность языковых единиц к реализации конкретной коммуникативной задачи, а целевой аспект – как реализацию этой потенции в речи. При функционировании языка происходит процесс актуализации и взаимодействия единиц в речи, который, по мнению И. Г. Ольшанского, включает в себя три этапа и представ-

ляет собой отбор единиц (актуализация), взаимодействие структур и функций (функционирование), а затем преобразование функций-потенций в функции-цели (варьирование) путем отклонения от узуса и нормы, развитие вариативности. При этом функция-потенция ближе к языковому значению (объективному инварианту значения), которое и будет выведено в речь посредством актуализации, функция-цель обращена к смыслу (личностный смысл), внеязыковой цели значения. Исходя из этого, Г. И. Ольшанский склонен утверждать, что одна и та же языковая форма – «полифункциональна», а одна и та же функция «полиморфна», может воплощаться разными языковыми средствами. Поэтому автором предлагается при функциональном подходе к лексикологии, к дуализму элементов «форма-значение» (ономасиология и семасиология) добавить третий элемент цепочки – функцию [7, с. 269].

Аналогичную позицию в определении понятия «функция» можно наблюдать у В. У. Дресслера: понимая под термином «операция» свойство формы, автор отмечает, что для «операции» характерны свойства, позволяющие выполнять функцию эффективнее, а свойство операции определяется ее функцией; при этом каждая операция способна иметь множество функций, а каждая функция может реализоваться посредством нескольких операций [19, с. 61].

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «функция» в лингвистике определяется следующим образом.

Язык – это реалия (Н. А. Рудяков), вовлеченная в мир социума, возникновение и развитие которой обусловлено, в первую очередь, ее функцией. Функция, предопределяя природу реалии, формирует как структуру этой реалии, так и ее элементы, единицы и связи между этими элементами, единицами (строительными единицами); взаимодействие единиц в процессе «функционирования» реалии есть реализация функции: реальной или потенциальной. Следовательно, функция есть сущность, суть, смысл (назначение, цель) существования реалии (языка), носителями которой выступают языковые единицы. Будучи структурно обусловленной, функция определяется нами как процесс «функционирования» элементов (единиц) языка с целью реализации их потенциала в достижении цели, поставленной в коммуникативном акте. При этом одна и та же цель может осуществляться несколькими элементами (единицами), обладающими соответствующим этой цели потенциалом.

Регуляция как инвариантная функция языка

Как отмечалось выше, многими учеными-лингвистами коммуникативная функция языка представляется в качестве ведущей, основополагающей, инвариантной (В. А. Аврорин, В. В. Иваницкий, А. А. Леонтьев, А. В. Карабыков, А. Мартине, Д. Н. Шмелев и др.). В концепции некоторых ученых к коммуникативной функции тесно примыкает экспрессивная функция (К. Бюлер, Р. О. Якобсон, А. Мартине, «Пражцы» К. Фосслер и др.). При этом игнорируется регулятивная функция языка или же имплицитно выражается в коммуникативной функции (В. И. Заика, А. А. Леонтьев)

А. Р. Лурия отмечает, что регулятивная функция речи на протяжении длительного времени игнорировалась учеными, как психологами, так и лингвистами. Но при этом автор выражает надежду на то, что прагматическая, регулирующая функция речи не только привлечет должное внимание ученых, но и подвергнется всестороннему изучению, так как, по мнению ученого, речь является одним из наиболее эффективных средств регуляции поведения человека [39].

Уже в работах Л. Ельмслева отмечена идея регулятивности языка: «Язык – инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него...» [14, с. 29].

В трудах советского антрополога Ю. Б. Поршнева [40] возникновение языка объясняется жизненной необходимостью регуляции сначала поведения человека человеком, а затем и сознания другого человека. По мнению автора, речевое взаимодействие – это «регулятор», тормозящий веления «первой сигнальной системы» – инстинктов и подчиняющий анализ и синтез «непосредственных раздражителей требованиям предварительной инструкции», которая стоит перед человеком. Поэтому речь – как внешняя, так и внутренняя – является основой регуляции поведения человека в отношении друг друга, что является проявлением общественных отношений [Там же, с. 152]. В основу регуляции Б. Ю. Поршнев кладет суггестию – фундаментальное средство воздействия на поведение, таким образом, функция внушения является, в концепции автора, ядром второй сигнальной системы (языка), из чего следует, что речь возникает из необходимости регуляции деятельности субъекта, воспринимающего речь, а не из общепризнанной необходимости обмена информацией (сообщения) [Там же, с. 556].

Как и антрополог Б. Поршнева, психолингвист А. А. Леонтьев считает, что еще формирующейся сигнальной системе была присуща «регулирующая функция речевых средств», которая осуществила появление знаковой функции речи, позволившей «опредмечивать» в знаке различные формы деятельности человека [23, с. 92]

Выделяя коммуникативную функцию языка как основную, А. А. Леонтьев считает ее не чем иным, как регуляцией поведения, так в понятии «коммуникация», по мнению автора, ничего другого не содержится. Причем А. А. Леонтьев выделяет регуляцию – непосредственную и опосредствованную, а также выступающую в таких вариантах, как индивидуально-регулятивная, коллективно-регулятивная, саморегулятивная функция. Но на любой вид регуляции вызывается моментальная или задержанная реакция [Там же, с. 32].

В. И. Заика, отмечая разнообразие функций речи (реализаций языка), делит их на координативные и некоординативные: к первым автор относит функции, объединенные целью координации деятельности получателя отправителем, – репрезентативную, апеллятивную, эмотивную; ко вторым – фатическую, магическую, эстетическую, которые не предполагают координацию поведения собеседника, за исключением сопорождения информации. Координация поведения становится возможной благодаря осуществлению замысла посредством определенной последовательности знаков, при транслировании которых обеспечивается сопорождение смысла собеседником – «координативная» реализация языка определяет как свойство языка, так и обуславливает изменения в нем [18, с. 421].

Д. Г. Богушевич, определяя язык как систему «универсальной регуляции любой деятельности», выделяет функцию организации деятельности в качестве основной. Рассуждая над тем, что возникновение языка обусловлено потребностью общения человека с другими людьми, объясняет возникновение этой потребности необходимостью взаиморегуляции деятельности индивида в социуме и общественного поведения в целом. Соответственно, при построении иерархии лингвистических единиц в высший класс будут входить единицы, позволяющие осуществлять функцию регуляции, и эта единица, по мнению автора, – диалог; при этом другими исследователями, как отмечает автор, данная «единица» определяется такими терминами, как коммуникативный акт (В. А. Аврорин), текст (В. Г. Кольшанский) и т. д. [16].

В работах А. Н. Рудякова развивается идея не только регуляции поведения (деятельности) как

собеседника, так и общества в целом, но и регуляция сознания, расширение картины мира партнера по социальному взаимодействию; речевое взаимодействие происходит с позиции идеала: мое мировосприятие правильно, поэтому я вступаю в речевой контакт со своим собеседником, чтобы расширить, отрегулировать его мировосприятие, мышление и сознание; результатом моего «наведения порядка» в картине мира собеседника будет «отрегулированное» поведение [30], [31].

Еще в работах Н. А. Рудякова, отца А. Н. Рудякова, ставится под сомнение первенство коммуникативной функции, так как диалектическое понимание сущности языка как «язык – сознание» меняет ориентиры не только в понимании языка, но и в самом объекте его изучения: языковая личность, использующая язык для реализации своих практических целей, становится объектом изучения, следовательно, предметом изучения становится речь, что приводит к тому, что коммуникативная функция, считавшаяся традиционно основной, уступает свои позиции функции воздействия на собеседника и регуляции его деятельности [41].

Позднее идея развивается и получает свое научное обоснование в работах А. Н. Рудякова [30], [31], [32], [42], в которых утверждается, что регулятивная функция языка является системообразующей, определяющей саму сущность языка, а сам процесс коммуникации – это не что иное, как «форма осуществления регуляции» [42, с. 123]. Еще в работе «Лингвистический функционализм и функциональная семантика» А. Н. Рудяков определяет регулятивную функцию языка как инвариантную [43], так как противоречие между тем, каким должен быть мир с точки зрения говорящего, и тем, что есть на самом деле, является «движущей силой» человеческой деятельности, для реализации которой создаются инструменты, орудия. Поэтому единственным на сегодняшнем этапе развития человечества инструментом, орудием, способным «навести порядок» в сознании собеседника, социальной группы, человечества в целом, является язык. Так как субстанцией, способной обеспечить реализацию функции регуляции является знаковая, следовательно, язык «единственное знаковое (семиотическое) орудие регуляции» [31].

Таким образом, в современной лингвистической парадигме можно отметить закономерную смену структуралистской парадигмы функциональной, в основе которой лежит понятие «функция», определенное нами как потенциальная способность языковых единиц реализовать в процессе функционирования цели, поставленные

субъектом речевой деятельности. При таком понимании термина «функция» в качестве инвариантной функции языка совершенно обоснованно можно считать регулятивную функцию языка, которая на сегодняшний день вызывает все больший интерес в лингвистических кругах. Кроме того, ученые, определяющие в качестве ведущей функции языка коммуникативную, подразумевают при этом в той или иной степени регуляцию, лишь с одним отклонением: одни считают, что происходит регуляция лишь поведения объекта коммуникативного акта, другие же расширяют «функциональное», определяя регуляцию не только поведения, но и сознания (картины мира) участника по социальному взаимодействию.

Список источников

1. *Потебня А. А.* Полное собрание трудов: Мысль и язык / Подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева. Комментарии Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 1999. 269 с.
2. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. XVI. 731 с.
3. *Абаев В. И.* Избранные труды: В 4 т. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание / Отв. Ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ: Ир, 1995. 724 с.
4. *Лещак О. В.* Методологические основы функционального исследования языковой деятельности: на материале славян. яз.: дис... д-ра филол.наук: Тернополь, 1997. 529 с. + Прил. (121 с.: ил.).
5. *Зубкова Л. Г.* Общая теория языка в развитии: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
6. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. Ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
7. *Ольшанский И. Г.* От функции к функциональной лексикологии // XI Международная конференция по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц». Сборник научных докладов. Ялта, 4-8 октября 2004 г. С. 269–270.
8. *Киклевич А. К.* Притяжение языка. Т. 2: Функциональная лингвистика. Ольштын, 2008. 391 с.
9. *Демьянков В. З.* Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в. // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. Научн.-информ. Исслед. Отд. Языкознания; Редкол.: Ромашко С.А., отв. ред. и др. М., 2000. (Сер.: Теория и история языкознания). С. 26–136.
10. *Дешериев Ю. Д.* Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 382 с.
11. *Колшанский Г. В.* Коммуникативная функция и структура языка / Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
12. *Пазухин Р. В.* Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 42–50.
13. *Иваницкий В. В.* Функции языка // Вестник Новгородского государственного университета, 2004. № 29. С. 103–110.
14. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка: Пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
15. *Карабыков А. В.* К вопросу о системном представлении функций языка // Вестн. Ом. Ун-та. 2008. № 3. С. 79–84.
16. *Богушевич Д. Г.* Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Мн.: Выш. Шк., 1985. 116 с.
17. *Фосслер К.* Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию: Пер. с нем. / Сост. В. Д. Мазо; Вступ. ст. О. А. Радченко; ст. В. А. Звегинцева. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 144 с.
18. *Заика В. И.* Модель функций языка и речи для дисциплин, изучающих употребление языка // Białostockie Archiwum Językowe. 2013. № 13. Рр. 415–430.
19. *Дресслер В. У.* Против неоднозначности термина «функция» в «функциональных» грамматиках // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 57–64.
20. *Веденина Л. Г.* Основная проблематика французского функционализма: Вступительная статья // М. Мамудян Лингвистика / пер. с франц. яз. и вступ. Статья Л. Г. Ведениной. М.: Прогресс, 1985. С. 5–30.
21. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). Москва: Наука, 1977. 167 с.
22. *Леонтьев А. А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1963. 139 с.
23. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
24. *Леонтьев А. А.* Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.
25. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград: Наука, 1975. 276 с.
26. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
27. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 311 с.
28. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. Сост., ред. и предисл. И. А. Кондрашова. М.: Прогресс. 1967. 558 с.
29. *Скаличка В.* Копенгагенский структурализм и «Пражская школа» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч 2. М.: Просвещение, 1960. С. 92–99.
30. *Рудяков А. Н.* Топоры и тексты. Лингвистическая инструментология: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.
31. *Рудяков А. Н.* Функция и язык: к регулятивной парадигме в лингвистике. М.: Издательский дом ЯСК, 2023. 216 с. (Studia philologica).

32. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). Киев: Грамота, 2004. 224 с.

33. Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 5–15.

34. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 16–29.

35. Абрамов Б. А. О функциях, изофункциях, функциональном подходе и функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 77–87.

36. Золотова Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 87–93.

37. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онопенко, М. Ю. Содорова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. Москва: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 540 с.

38. Сыроваткин С. Н. Значение высказывания и функции языка в семиотической трактовке // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 43–49.

39. Лурия А. Р. Язык и сознание / Под редакцией Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1979. 320 с.

40. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии) / Под ред. Б. А. Диленко. М.: «ФЭРИ-В», 2006. 640 с.

41. Рудяков Н. А. Поэтика, стилистика художественного произведения. Симферополь: Таврия, 1993. 146 с.

42. Рудяков А. Н. Лингвистика и её «скелеты в шкафу». М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. 416 с.

43. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 224 с.

References

1. Potebnya, A. A. (1999). *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete Works: Thought and Language]. Podgotovka teksta Yu. S. Rasskazova i O. A. Sycheva. Kommentarii Yu. S. Rasskazova. 269 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

2. *Slovar' filosofskikh terminov* (2005) [Dictionary of Philosophical Terms]. Nauchnaya redaktsiya professora V. G. Kuznetsova. XVI. 731 p. Moscow, INFRA-M. (In Russian)

3. Abaev, V. I. (1995). *Izbrannye trudy: V 4 t. T. 2. Obshchee i sravnitel'noe iazykoznanie* [Selected Works: In 4 Vols. Vol. 2. General and Comparative Linguistics]. Otv. red. i sost. V. M. Gusalov. 724 p. Vladikavkaz, Ir. (In Russian)

4. Leshchak, O. V. (1997). *Metodologicheskie osnovy funktsional'nogo issledovaniya yazykovoï deyatel'nosti: Na materiale slavyan. yaz.: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19.* [Methodological Foundations of the Functional Study of Linguistic Activi-

ty: Based on the Material of the Slav Languages: Doctoral Thesis]. Ternopol', 529 p. + Pril. (121 p.: il.). (In Russian)

5. Zubkova, L. G. (2002). *Obshchaya teoriya yazyka v razvitiï: Ucheb. Posobie* [The General Theory of Language in Development: A Textbook]. 472 p. Moscow, izd-vo RUDN. (In Russian)

6. Gumbol'dt, V. fon (2000). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu: Per. s nem.* [Selected Works on Linguistics: Trans. from German]. Obshch. Red. G. V. Ramishvili; Poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zvegintseva. 400 p. Moscow, OAO IG "Progress". (In Russian)

7. Ol'shanskii, I. G. (2004). *Ot funktsii k funktsional'noi leksikologii* [From Function to Functional Lexicology]. XI Mezhdunarodnaya konferentsiya po funktsional'noi lingvistike "Funktsional'noe opisanie estestvennogo yazyka i ego edinit". Sbornik nauchnykh dokladov. Yalta 4-8 oktyabrya, pp. 269–270. (In Russian)

8. Kiklevich, A. K. (2008). *Prityazhenie yazyka. T. 2: Funktsional'naya lingvistika* [The Attraction of Language. Vol. 2: Functional Linguistics]. 391 p. Ol'shtyn. (In Russian)

9. Dem'yankov, V. Z. (2000). *Funktsionalizm v zarubezhnoi lingvistike kontsa XX v.* [Functionalism in Foreign Linguistics of the Late 20th Century]. Diskurs, rech', rechevaia deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: Sb. Obzorov. RAN. INION. Tsentr gumanitar. Nauchn.-inform. Issled. Otd. Yazykoznaniiya; Redkol.: Romashko S. A., otv. red. i dr. (Ser.: Teoriya i istoriya yazykoznaniiya), pp. 26–136. (In Russian)

10. Desheriev, Yu. D. (1977). *Sotsial'naya lingvistika. K osnovam obshchei teorii* [Social Linguistics. On the Basics of General Theory]. 382 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

11. Kolshanskii, G. V. (2007) *Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka* [The Communicative Function and Structure of Language]. Izd. 3-e. 176 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)

12. Pazukhin, R. V. (1979). *Yazyk, funktsiya, kommunikatsiya* [Language, Function, Communication]. Voprosy yazykoznaniiya. No 6, pp. 42–50. (In Russian)

13. Ivanitskii, V. V. (2004). *Funktsii yazyka* [Language Functions]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. No 29, pp. 103–110. (In Russian)

14. El'msl'ev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka: Per. s angl.* [Prolegomena to the Theory of Language: Translated from English]. Sost. V. D. Mazo. 248 p. Moscow, KomKniga. (In Russian)

15. Karabykov, A. V. (2008). *K voprosu o sistemnom predstavlenii funktsii yazyka* [On the Issue of the System Representation of Language Functions]. Vestn. Om. Un-ta. No. 3, pp. 79–84. (In Russian)

16. Bogushevich, D. G. (1985). *Edinitsa, funktsiya, uroven': K probleme klassifikatsii edinitov yazyka* [Unit, Function, Level: On the Problem of Classification of Language Units]. 116 p. Minsk, Vysh. Shk. (In Russian)

17. Fossler, K. (2007). *Esteticheskii idealizm: Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu: Per. s nem* [Aesthetic Idealism: Selected Works on Linguistics: Trans. from German]. Sost. V. D. Mazo; Vstup. st. O. A. Radchenko; st. V. A. Zvegintseva. 144 p. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)

18. Zaika, V. I. (2013). *Model' funktsii yazyka i rechi dlya distsiplin, izuchaiushchikh upotreblenie yazyka* [A Model of Language and Speech Functions for Disciplines Studying the Use of Language]. Białostockie Archiwum Językowe. No. 13, pp. 415–430. (In Russian)
19. Dressler, V. U. (1990). *Protiv neodnoznachnosti termina "funktsiya" v "funktsional'nykh" grammatikakh* [Against the Ambiguity of the Term "Function" in "Functional" Grammars]. *Voprosy yazykoznanija*. No. 2, pp. 57–64. (In Russian)
20. Vedenina, L. G. (1985). *Osnovnaya problematika frantsuzskogo funktsionalizma: Vstupitel'naya stat'ya* [The Main Problem of French Functionalism: An Introductory Article]. M. Mamudian *Lingvistika*. per. s frants. iaz. i vstup. Stat'ya L. G. Vedeninoi. Pp. 5–30. Moscow, Progress. (In Russian)
21. Shmelev, D. N. (1977). *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostiakh (K postanovke problemy)* [The Russian Language in Its Functional Varieties (On the Formulation of the Problem)]. 167 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
22. Leont'ev, A. A. (1963). *Vozniknovenie i pervonachal'noe razvitie yazyka* [The Origin and Initial Development of Language]. 139 p. Moscow, izd-vo Akademii Nauk SSSR. (In Russian)
23. Leont'ev, A. A. (1969). *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, Speech, Speech Activity]. 214 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
24. Leont'ev, A. A. (1974). *Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti* [Fundamentals of the Theory of Speech Activity]. 368 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
25. Avrorin, V. A. (1975). *Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka (K voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* [Problems of Studying the Functional Side of Language (On the Subject of Sociolinguistics)]. 276 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)
26. Shelyakin, M. A. (2001). *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional Grammar of the Russian Language]. 288 p. Moscow, Russkii yazyk. (In Russian)
27. Stepanov, Yu. S. (1975). *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and Principles of Modern Linguistics]. 311 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
28. *Tezisy Prazhskogo lingvisticheskogo krugha* (1967) [Abstracts of the Prague Linguistic Circle]. Prazhskii lingvisticheskii krughok: sb. statei. Sost., red. i predisl. I. A. Kondrashova. 558 p. Moscow, Progress. (In Russian)
29. Skalichka, V. (1960). *Kopengagenskii strukturalizm i "Prazhskaya shkola"* [Copenhagen Structuralism and the Prague School]. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch 2, pp. 92–99. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
30. Rudyakov, A. N. (2013). *Topory i teksty. Lingvisticheskaya instrumentologiya: uchebnoe posobie* [Axes and Texts. Linguistic Instrumentology: A Textbook]. 312 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)
31. Rudyakov, A. N. (2023). *Funktsiya i yazyk: k regulativnoi paradigme v lingvistike* [Function and Language: Towards a Regulatory Paradigm in Linguistics]. 216 p. Moscow, izdatel'skii dom YaSK. (Studia philologica). (In Russian)
32. Rudyakov, A. N. (2004). *Yazyk, ili Pochemu lyudi govoryat (opyt funktsional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka)* [Language, or Why People Speak (Experience of Functional Definition of Natural Language)]. 224 p. Kyiv, Gramota. (In Russian)
33. Gak, V. G. (1985). *K tipologii funktsional'nykh podkhodov k izucheniyu yazyka* [On the Typology of Functional Approaches to Language Learning]. *Problemy funktsional'noi grammatiki*. Pp. 5–15. Moscow, Nauka. (In Russian)
34. Bondarko, A. V. (1985). *K teorii funktsional'noi grammatiki* [Towards the Theory of Functional Grammar]. *Problemy funktsional'noi grammatiki*. Pp. 16–29. Moscow, Nauka. (In Russian)
35. Abramov, B. A. (1985). *O funktsiyakh, izofunktsiyakh, funktsional'nom podkhode i funktsional'noi grammatike* [About Functions, Isofunctions, Functional Approach and Functional Grammar]. *Problemy funktsional'noi grammatiki*. Pp. 77–87. Moscow, Nauka. (In Russian)
36. Zolotova, G. A. (1985). *K postroeniyu funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Towards the Construction of the Functional Syntax of the Russian Language]. *Problemy funktsional'noi grammatiki*. Pp. 87–93. Moscow, Nauka. (In Russian)
37. Zolotova, G. A. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The Communicative Grammar of the Russian Language]. G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sodorova; Ros. akad. nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova, Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Filol. fak. 540 p. Moscow, In-t rus. yaz. RAN im. V. V. Vinogradova. (In Russian)
38. Syrovatkin, S. N. (1973). *Znachenie vyskazyvaniya i funktsii yazyka v semioticheskoi traktovke* [The Meaning of the Utterance and the Function of Language in a Semiotic Interpretation]. *Voprosy yazykoznanija*. No. 5, pp. 43–49. (In Russian)
39. Luriya, A. R. (1979). *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Pod redaktsiei E. D. Homskoi. 320 p. Moscow, izd-vo Mosk. Un-ta. (In Russian)
40. Porshnev, B. F. (2006). *O nachale chelovecheskoi istorii (Problemy paleopsikhologii)* [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Pod red. B. A. Dilenko. 640 p. Moscow, FJeRI-V. (In Russian)
41. Rudyakov, N. A. (1993). *Poetika, stilistika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics and Stylistics of a Fictional Work]. 146 p. Simferopol', Tavriya. (In Russian)
42. Rudyakov, A. N. (2020). *Lingvistika i eye "skelety v shkafu"* [Linguistics and Its "Skeletons in the Closet"]. 416 p. Moscow, izdatel'skii tsentr "Azbukovnik". (In Russian)
43. Rudyakov, A. N. (1998). *Lingvisticheskii funktsionalizm i funktsional'naya semantika* [Linguistic Functionalism and Functional Semantics]. 224 p. Simferopol', Tavriya-plyus. (In Russian)

The article was submitted on 05.07.2024
Поступила в редакцию 05.07.2024

Зубенко Наталья Викторовна,
аспирант,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
295000, Россия, Симферополь,
Ленина, 11;
ассистент,
Севастопольский государственный
университет,
299053, Россия, Севастополь,
Университетская, 33.
zubenko.natalia.1985@mail.ru

Zubenko Natalya Viktorovna,
graduate student,
Crimean Federal University
named after V. I. Vernadsky,
11 Lenin Str.,
Simferopol, 295000, Russian Federation;
Assistant Professor,
Sevastopol State University,

33 Universitetskaya Str.,
Sevastopol, 299053, Russian Federation.
zubenko.natalia.1985@mail.ru